

Антропов Р. Л.

ГЕРЦОГИНЯ
И «КОНЮХ»

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ — СИМВОЛЫ ВЕКОВ

Женские лики – символы веков

Роман Антропов
Герцогиня и «конюх»

«Public Domain»

1903

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Антропов Р. Л.

Герцогиня и «конюх» / Р. Л. Антропов — «Public Domain»,
1903 — (Женские лики – символы веков)

ISBN 978-5-486-03984-3

Роман Лукич Антропов (1876–1913) – русский прозаик, фельетонист и драматург. В его литературном наследии – пьесы, фельетоны, романы, повести, рассказы. Первая пьеса «Гусли звончатые» с успехом шла в провинциальных театрах. В 1903 г. в Петербурге была поставлена пьеса «Пир Валтасара», в 1912 г. в московском театре Корша – драма «Дьявольская колесница». В период с 1903 по 1908 г. Антропов под псевдонимом Р. Добрый пишет серию блестящих рассказов про начальника петербургской сыскной полиции Ивана Дмитриевича Путилина. Роман «Герцогиня и „конюх”», публикуемый в данном томе, повествует о своеобразной и очень трагичной судьбе одной из русских императриц – Анны Иоанновны. Личная жизнь герцогини Курляндской и ее восхождение на русский престол – основная сюжетная линия романа Антропова.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03984-3

© Антропов Р. Л., 1903
© Public Domain, 1903

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	7
I	7
II	14
III	19
IV	25
V	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Роман Лукич Антропов

Герцогиня и «конюх»

Предисловие

В галерее исторических русских царственных женщин, волею капризной судьбы и случаем занимавших в то время трон, Анна Иоанновна является едва ли не самым главным лицом.

Интерес проистекает не из положительных или отрицательных сторон Анны, потому что как первые, так и вторые, по правде сказать, заурядны, далеко не яркие, не полны.

Анна Иоанновна была, бесспорно, умна, но умом грубым, неотесанным, не отшлифованным гранью просвещения. В этом отношении любой из ее царевичей мог быть на голову выше ее. Она была, как и большинство «властных» женщин тогдашнего темного русского времени, жестока, но... что стоят все ее жестокие шутки, забавы и наказания в сравнении с припадками гнева великого Петра, ее царственного дяди? Анна Иоанновна обладала и некоторыми чисто женскими слабостями, но что они – наряду с неукротимыми царственными прихотями Екатерины Великой?

Что же в таком случае привлекает внимание историков и романистов к этой личности?

Только одно: удивительная трагичность рока, который преследовал ее всю жизнь.

Словно какое-то проклятие нависло над частной жизнью Анны Иоанновны, составив длинную, прихотливую цепь. Что ни звено – то удар, удар и удар.

Казалось, грехи былых поколений властелинов отпрыгнулись на ней с фатальной силой.

Анна Иоанновна была безвольна, как последняя из «подлых рабынь»; достаточно сказать, что у нее было чуть не пятнадцать женихов и ни за одного из них она не имела права выйти замуж по чувству и влечению собственного сердца, по своей воле. Это была живая кукла-игрушка в руках и царей и бесчисленных дворцово-политических партий.

Ввиду того, что наш роман касается последних лет пребывания, «сидения», Анны в Митаве в качестве герцогини Курляндской, скажем несколько слов о ее прошлом.

Дочь покойного царя Иоанна Алексеевича, брата и соправителя по престолу Петра Великого, Анна Иоанновна не помнила своего отца, умершего, когда ей было всего три года. Детство и отрочество она провела в родном селе Измайлове у своей матери, царицы Прасковьи, вместе с двумя своими сестрами, из которых сама она была среднею.

Когда Анне исполнилось пятнадцать лет, она уже пышно расцвела и казалась вполне сформировавшейся девушкой. Из Петербурга пришел властный приказ грозного Петра, и туда прибыли все его родственники; послушная велениям своего деверя, царица Прасковья прибыла туда с дочерьми.

Петр чрезвычайно ласково встретил вдову своего «названного» брата и своих племянниц.

После мирной, «тишайшей» жизни Москвы старого уклада, в которой выросла царевна Анна Иоанновна, непривычный блеск и шум петербургской придворной жизни совсем ошеломили ее.

– Матушка! Весело-то тут как! – говорила Анна матери, царице Прасковье.

А та только брови сурово сдвигала.

Прошло два года такой новой, чудно-прекрасной жизни, пролетевшей, как волшебный, сказочный сон.

Царская роскошь... блеск... почитание... поклонение.

И первый удар уже готовился для Анны Иоанновны.

Петр Великий приготовил племяннице жениха. Еще в октябре 1709 года он в Мариенвердере сговорился со своим союзником, королем Прусским, обвенчать русскую царевну Анну с племянником короля – Фридрихом Вильгельмом, герцогом Курляндским.

На этот брак Петр возлагал много надежд: во-первых, вступить в родство (свойство) с прусским королевским домом, а во-вторых, приобрести влияние на курляндские дела.

И участь несчастной Анны была решена. Политических целей ради Петр принудил ее идти замуж за Фридриха Вильгельма.

Двадцатилетняя девушка-царевна была принесена на заклание... и кем же? – собственным родным дядей!.. Отсюда начинается трагическая жизнь горемычной герцогини, позднее – императрицы.

– Матушка! – скорбно вырвалось раз у Анны Иоанновны. – А если он мне не люб?

Но грозная фигура страшного деверя стояла «денно и ночью» перед глазами царицы Прасковьи.

– Молчи, дитятко, нишкни! Сам того требует, – давясь слезами утешала она дочь. – Кто ж против его пойти может?...

И «политический» брак был заключен.

Но этот «политический» брак известен в истории более под кличкой «пьяного» брака.

Свадьба справлялась целым рядом «зело неумеренных празднеств», с таким гомерическим приношением «Бахусу и Венусу» (Венере), что даже не все петровские животы вынесли «сие потребление».

Для Анны, молодой герцогини Курляндской, все это окончилось непредвиденной катастрофой. После «прощальной» зверски-пьяной попойки ее молодого супруга чуть не замертво уложили в возок, который должен был везти герцогскую чету в Митаву.

В сорока верстах от Петербурга, на мызе Дудергофе, оправдалась старинная русская поговорка – «что русскому здорово, то для немца – смерть»: неумеренно опоенный петровскими кубками «большого орла» Фридрих Вильгельм, герцог Курляндский, супруг Анны, скоропостижно скончался.

Итак, мы видим, что Анна осталась двадцатилетней вдовой, прожив супружеской жизнью, угарной, полупьяной, всего два месяца и несколько дней.

Казалось бы, трагическое вдовство могло избавить несчастную русскую царевну от заключения в Митаве. Но не тут-то было. Петр опять-таки ради политических соображений отправил ее в Курляндию. После смерти Фридриха Вильгельма герцогский жезл Курляндии достался в руки последнего потомка Кетлеров, первоначальных герцогов Курляндии, семидесятилетнего Фердинанда. Трусливый и слабый, нелюбимый народом, чувствуя свою неспособность управлять герцогством, он, проживая в Данциге, отказался явиться в Митаву, и вместо него кукольным герцогством стал управлять совет обер-ратов, людей, думавших более «о добром пиве и кнастере», чем о государственных делах.

Отправив в Митаву свою племянницу Анну, Петр назначил резидентом Курляндии Петра Михайловича Бестужева. Кроме назначения на должность полномочного резидента, он был командирован туда и в качестве гофмаршала вдовствующей герцогини.

И началось «великое сидение» Анны Иоанновны в Митаве, продолжавшееся без малого семнадцать лет. Вступив туда совсем юной, двадцатилетней, она вырвалась из курляндского пленения, чудом сделавшись русской императрицей, женщиной уже пожилой, тридцатисемилетней, надломленной, раздраженной на всех и на все озлобленной.

Часть первая

I

Герцогиня и резидент

Над Митавой стояло еще солнце, хотя оно и близилось к закату. Своими прощальными, нежно-ласковыми лучами оно золотило черепичные крыши домов, зелень садов и особенно играло на шпицах киров.

Один лишь герцогский замок, это мрачное, типичное жилище средневековых феодалов, с его толстыми, выпуклыми, неуклюжими стенами, с его узкими, готическими окнами, с его подъемным мостом, весь полный какого-то мистического ужаса, казалось, был глубоко равнодушен в закатной улыбке великого жизнедавца. Ни один солнечный блеск не играл на темном камне.

Не веселее было и внутри замка старых Кетлеров, в котором томила, проклиная свое царственное происхождение Анна Иоанновна, герцогиня Курляндская.

Мрачные комнаты с готическими потолками, залы с потемневшими амбразами окон, вой и свист ветра в старых печах навевали на нее какой-то непреодолимый страх, жуткость, робость.

По ее приказанию все залы замка лишь только, бывало, стемнеет освещались массой свечей, вставленных в канделябры. Но даже эти канделябры навевали на нее еще больший страх.

– Не люблю я их... боюсь их... Какие-то рогатые, «когтистые» звери... – часто шептала Анна Иоанновна сама про себя, тихонько творя крестное знамение.

И в эти секунды ей с поразительной наглядностью представлялись картины тихого, безмятежного житья в богобоязненном селе Измайлове.

Матушка... сестры... странницы... «говорливые» бабы и девки... Заведут, бывало: «А послушайте, царица-матушка и царевны распрекрасные, сказ про то, как явился одного раза молодчик, разудалой прынец-красавец». И Анна Иоанновна, вся охваченная жгучим порывом воспоминаний, частенько забывала о своем положении, о том, что она – герцогиня Курляндская. Она давала резкий звонок из своих «покоев», но вместо «говорливой» матушки к ней быстро входила какая-нибудь то обер-гофмейстерина, то просто – гофмейстерина.

– Ваша светлость, изволили звать? – на чистейшем немецком языке спрашивала вошедшая.

Вздрагивала тогда «герцогиня», недоумевающе-испуганно глядела на вошедшую и отрывисто бросала:

– Ах нет, я не вас звала... Ступайте!

И, когда та уходила, племянница великого Петра склоняла свою голову на руки и плакала холодными, едкими слезами.

– Одна! Одна! Разве его считать?... – проносился тоскливый шепот в комнате.

И так шли годы, долгие годы...

Но вот уже несколько недель до того момента, с которого начинается наш роман, Анна Ивановна (ее так и величали при дворе «Ивановной») стала неузнаваема: весела, бодра, жизнерадостна.

Какая-то волшебная, чудесная перемена произошла с митавской пленницей-затворницей. Куда девались ее апатия, ее сонливость, ее раздражительность! В самой ее фигуре, рыхлой, склонной к изрядной полноте, появились подвижность, порывистость движения; в глазах

засиял блеск еще молодой женщины, мучительно-страстно хотевшей любить и быть взаимно любимой.

В этот тихий, наступивший над Митавой вечер Анна Иоанновна взволнованно ходила по будуару, убранному роскошно, но тяжело, неуклюже. Она то и дело поглядывала на фарфоровые часы «венецйской» работы. Видимо, она кого-то нетерпеливо ожидала.

– Наконец-то! – воскликнула герцогиня, когда дверь будуара тихо растворилась и на пороге появилась фигура высокого, пожилого, но все еще красивого человека.

Это был гофмаршал ее светлости и резидент российского двора Петр Михайлович Бестужев.

Заметная седина уже тронула его волосы, но лицо было моложаво, приятно. Это был тип настоящего русского вельможи-царедворца.

При порывистом восклицании Анны Иоанновны Бестужев еле заметно улыбнулся тонкой царедворской улыбкой, а затем не торопясь подошел к герцогине и, целуя руку, спросил:

– Ваша светлость изволили ожидать меня с таким лестным для меня нетерпением?

Анна Иоанновна, с досадой вырвав руку, воскликнула:

– Ах, боже мой, Петр Михайлович, избавь меня от своих кудреватых фраз! Неужто ты не видишь, что мне не до них!..

Какая-то растерянность, а вместе с тем и ласковость зазвучали в голосе герцогини-вдовы.

Бестужев быстрым взглядом окинул ее фигуру. Анна Иоанновна была одета в красное бархатное платье с массой кружев. Все драгоценности, не очень уж многочисленные, были на ней. На пышной, высокой прическе, не шедшей к лицу Анны Иоанновны, ярко переливаясь радужными огнями, горела маленькая герцогская корона.

– О, ваша светлость, сегодня у вас поистине царственный вид! – все с той же иронической усмешкой проговорил Бестужев.

Анна Иоанновна топнула ногой и горделиво откинула голову:

– А разве тебе, Петр Михайлович, неизвестно, что я – царского рода, что я – племянница царя Петра? Или вы все здесь, в этой проклятой Курляндии, забыли об этом? Или я для всех вас только несчастная вдовка какого-то замухрышки-герцога?

Этот взрыв сознания своего высокого положения у безвольной герцогини несколько смутил стареющего вельможу.

Бестужев низко поклонился ей, думая в тот же момент:

«Что с ней? Однако ее сильно захватило новое чувство!..»

И он счел необходимым возразить на слова Анны:

– Ваша светлость, кажется, изволили неточно выразиться, сказав «вы все»... С каких же пор вы причисляете меня к числу ваших недругов?

И Бестужев прямо посмотрел в глаза Анны Иоанновны. И под этим взглядом она вспыхнула, несмотря на слой румян и белил.

– Так вот... тебе больше, чем кому иному, Петр Михайлович, не приличествовало бы изводить меня, – начала Анна Иоанновна, подходя к Бестужеву и кладя руку на его плечо. – Сейчас, здесь, в этой комнате, мы с тобой *entervier Augen*, наедине. Зачем же все это лукавство с твоей стороны, зачем эти постоянные «ваша светлость» и «вы изволили»... Ах! – Несчастлиная герцогиня, русская царевна, порывисто вздохнула, словно ей не хватало воздуха, словно ее душила затхлая атмосфера герцогского замка старых Кетлеров. – Ах, Петр Михайлович! – бурно продолжала она. – Если бы ты знал, что творится вот здесь, в этом сердце, ты пожалел бы меня! Ты... ты помнишь эту комнату?

Бестужев молча наклонил голову.

– Ты помнишь, что в этой комнате случилось? Я, забыв свое царское происхождение, сделала тебя своим интимным другом...

– Ваша светлость...

– Молчи! Молчи! Дай высказаться, дай излиться сердцу... Ну, да, да! Я приблизила тебя к себе. Почему? Спроси женщину, а не царицу, не царевну, почему она может пойти на это... Ты знаешь, сколько мне пришлось вытерпеть за это от царицы-матушки. О, как она поносила меня в своей опочивальне! И раз я ей сказала: «Лучше бы мне, матушка, девкой простой родиться, чем царевной. Хорошо вам всем говорить, убеждать меня, а побывали бы вы в моей ситуации. Разве жила я? Разве извела я счастье молодой женщины? Силком меня замуж выдали, мужа лишили, в замок к немцам заточили... Руки, что ли, мне на себя накладывать?»

Высокая, полная грудь Анны Иоанновны порывисто подымалась. Крупные слезы лились из глаз и медленно текли по ее раскрашенным щекам.

Что-то глубоко-страшное, трагическое сквозило в фигуре этой женщины, одетой царственно-великолепно, с сверкающей короной, и плачущей холодными, едко-жгучими слезами.

Бестужев в миг преобразился. Лицо «лукавого царедворца» сбросило маску и стало простым, хорошим лицом. Он порывисто шагнул к своей курляндской повелительнице и голосом, перехваченным волнением, прошептал:

– Ваша светлость... Анна... зачем вы про это говорите? Оставьте... не надо... не тревожьте меня!.. Ведь все это – кончено, былшем поросло...

Анна Иоанновна склонилась к голове Бестужева и, поцеловав его в лоб, промолвила:

– Так, так, мой хороший, мой милый Петр Михайлович... Я знала, я чувствовала, что ты – не такой, как другие. А говорю я про это потому, что хочется видеть мне в тебе друга моего настоящего. Ты правду молвил: то, что было между нами, окончено. Наваждение ли то было по младости вдовьего положения, или что иное – не все ли равно? А теперь... – Анна Иоанновна вновь вспыхнула и тихо добавила: – А только теперь, Петр Михайлович, на тебя надежду мою возлагаю. Ты знаешь, о чем я говорю. Помоги мне! Страшно мне думать, что и ты против меня пойдешь...

И она в каком-то тревожном ожидании уперлась взглядом в своего бывшего интимного друга – гофмаршала и резидента Бестужева.

– Никогда! – вырвалось у него. – Ах, Анна, Анна, если бы вы знали, какого преданного друга вы имеете во мне! Клянусь вам, что ни кнут, ни Сибирь, ни даже плаха не заставили бы меня изменить вам. И это я вам докажу сегодня же! – Он вынул из кармана золотую «луковицу» и, посмотрев, который час, продолжал. – Сейчас, ваша светлость, я побеседую с вами подробно о том, что живо волнует ваше доброе сердце.

– О нем? О Морице? – живо воскликнула Анна Иоанновна.

– Да, да... Но пока нам необходимо сделать маленькое приготовление.

– Какое?

– Нам необходимо сервировать стол на два лица, при этом надо сделать так, чтобы обойтись без ваших придворных служащих.

– Что это значит, Петр Михайлович? – с удивлением спросила герцогиня.

– Ничего особенного, ваша светлость... Быть может, сегодня вечером, вот сейчас, скоро, явится один нужный для нас человек... Так необходимо по русскому обычаю угостить его хлебом-солью. Кстати, ваша светлость, в ваших погребках имеется добрый, старый польский мед?

– Ты же, голубчик, доставил мне его, – улыбнулась Анна Иоанновна веселой, довольной улыбкой.

– Ну вот и отлично! – весело потер руки Бестужев. – Итак, ваша светлость, не угодно ли вам помочь своему гофмаршалу в чисто хозяйственных приготовлениях?

– А кто прибудет, Петр Михайлович? – спросила сильно заинтригованная Анна Иоанновна.

– Один важный посетитель от него, – уклончиво ответил Бестужев.

Анна Иоанновна, стоявшая у окна, тревожно проговорила:

– Судя по той таинственности, которой ты, Петр Михайлович, облакаешь посещение твоего гостя, я заключаю, что оно должно быть секретным. Но как же этот человек проникнет в замок? Смотри: подъемный мост уже спущен.

Бестужев, улыбнувшись, ответил:

– Не беспокойтесь, Анна: тому человеку дан пароль, и мост спустят для него. Примемся за работу, ваша светлость.

Рядом с «бодоаром» герцогини Курляндской находилась небольшая уютная гостиная. Анна Иоанновна перешла в нее.

Бестужев скрылся, но вскоре вернулся с белоснежной скатертью и несколькими бутылками. Он поставил посреди гостиной стол и кратко бросил герцогине:

– Накрывайте, ваша светлость.

И тут получилась странная, интересная картина: герцогиня и будущая российская императрица, слегка засучив рукава своего богатого бархатного туалета, стала накрывать на стол, как простая камер-фрау.

– Работайте, работайте, ваша светлость, а я пока озабочусь закусками и иными деликатесами, – оживленно продолжал Бестужев.

Вскоре стол был сервирован.

Анна Иоанновна поставила посреди его роскошную вазу с ярко-пунцовыми розами.

– Ну а теперь, ваша светлость, давайте побеседуем немного... – начал Бестужев. – Садитесь!

Анна Иоанновна покорно села в вычурное золотое кресло.

– Итак, вы упорно желаете, чтобы принц Мориц Саксонский сделался вашим супругом, приняв курляндскую герцогскую корону? – спросил Бестужев.

– Да, – еле слышно слетело с уст Анны Иоанновны.

– Вы полюбили его, Анна? Но как могло это случиться? Вы видели его мельком у меня...

Герцогиня, передернув плечами, возразила:

– Ну и что ж из того, Петр Михайлович, что только мельком? Он – ты прости меня за откровенность! – сразу завладел моим сердцем, лишь только я увидела его... Такой красивый, смелый, решительный. И потом истомилась я во вдовстве моем. Посуди ты сам: каково сладко мне живется?... Что такое я? Жена без мужа, герцогиня без настоящей короны, без власти, без силы. А годы идут, мой старый друг, идут неумолимой чередой... И какие годы! Лучшие, молодые уже прошли.

Бестужев, как-то сострадательно поглядев на Анну Иоанновну, произнес:

– Вы, ваша светлость, все говорите, как женщина, а не как лицо из царственного дома... Но мы, дипломаты, царедворцы, должны глядеть несколько глубже, соображаясь с массой побочных обстоятельств.

Анна Иоанновна сделала нетерпеливый жест рукой.

– Одну минуту внимания, ваша светлость! – остановил ее Бестужев. – Дело в том, что лично я сильно сомневаюсь, чтобы ваше пламенное желание могло осуществиться. И, если это дело провалится, вините только свое рождение: все, имеющие право носить горностаевые мантии, – несчастнейшие из всех смертных, так как все их желания зависят не от их воли, а обязаны согласоваться с известными конъюнктурами...

– Я не понимаю тебя, Петр Михайлович! – слегка побледнев, сказала герцогиня.

– Сейчас вы поймете, ваша светлость. – Бестужев налил в стакан золотистого токайского и стал мелкими глотками прихлебывать ароматную, крепкую влагу, после чего продолжал: – Вам, Ан... ваша светлость, отлично известно, что такое представляет собою Курляндия. Это – тот лакомый кусок, на который точат свои зубы и Речь Посполитая, и Пруссия, и мы – русские. Весь вопрос заключается в том, кто окажется хитрее и за кем этот лакомый кусочек останется.

– Но я-то тут при чем? – негодуя вырвалось у Анны Иоанновны.

Старый царедворец проснулся в Бестужеве. Он вынул золотую, осыпанную бриллиантами, табакерку и, запустив в нос изрядную понюшку душистого табака, продолжал:

– Как «при чем» вы, ваша светлость? Разве вы не знаете, что вы – законный придаток к сему герцогству?

Бешенство исказило грубое, не особенно красивое лицо Анны Иоанновны.

О, эти молнии гнева, бороздившие ее лицо! Как часто потом, когда она сделалась императрицей, устрашали они толпившихся у ее трона.

– Как, как ты сказал: законный придаток? – задыхаясь от злобы, выкрикнула она. – Кто же из меня чучело сделал?

– Ваш дядюшка, ваша светлость, великий император Петр.

Анна Иоанновна схватила серебряный кованный графин и с силой швырнула его в стену, но попала в зеркало, и последнее разбилось вдребезги.

Бестужев вздрогнул.

– Вы суеверны, Анна? – дрогнувшим голосом спросил он.

– О да!

– В таком случае поздравляю вас: кто-то скоро должен умереть... Дорога вам очищается, но... пока все еще темно... Однако вы, ваша светлость, перебили меня. Я возвращаюсь к курляндским делам. Итак, прошу вас внимательно слушать меня! Дело вкратце заключается в следующем. Побочный сын польского короля Августа Второго, саксонский принц Мориц, с тайного согласия своего отца, домогается и вашей руки, и курляндской короны... Так, ваша светлость?

– Так, Петр Михайлович.

– Теперь ответьте мне: все ли ведомо вам о принце Морице? – Бестужев подошел к Анне Иоанновне и схватил ее за руку. – Все ли ты, Анна, знаешь о нем? – повторил он глухим, вздрагивающим голосом.

Это давно, почти никогда не слыханное «ты» поразило Анну Иоанновну.

– А что... что именно? Какая тайна? – испуганно спросила своего гофмаршала, старого интимного друга, герцогиня Курляндская.

– А то, что ведомо ли тебе... вам, ваша светлость, что этот Мориц – авантюрист, искатель грандиозных предприятий?

Анна Иоанновна схватилась за сердце.

– Знаете ли вы, ваша светлость, – продолжал Бестужев, – что он, этот блестящий, великолепный Мориц Саксонский, уже раз заключил брак по расчету с богатой наследницей Виктории фон Лебен, развелся с ней и теперь – кто знает? – отыскивает, быть может, лишь более блестящий, выгодный брак?

Анна Иоанновна была бледна, как полотно.

– Это жестоко, Петр Михайлович, ты ранишь меня прямо в сердце, – прошептала она.

– Я только предупреждаю вас, ваша светлость, на правах вашего искреннего, любящего вас друга. Слушайте дальше.

Бестужев вынул из бокового кармана толстый, вчетверо сложенный пакет, состоявший из нескольких листов.

– Что это? – проворно спросила Анна Иоанновна.

– Секретнейший указ, ваша светлость, который я получил из Петербурга. Вот его содержание! – ответил Бестужев и начал читать вполголоса:

«Избрание Морица противно интересам русским и курляндским: 1) Мориц, находясь в руках королевских, принужден будет поступать по частным интересам короля, который через это получит большую возможность приводить в исполнение свои планы в Польше, а эти планы и нам, и всем прочим соседям курляндским, могут быть иногда очень противны, от чего

и для самой Курляндии могут быть всякие сомнительные последствия; 2) Между Россией и Пруссией существует соглашение удержать Курляндию при прежних ее правах; Россия не хочет навязать курляндским чинам герцога из бранденбургского дома; но если они согласятся на избрание Морица, то прусский двор будет иметь полное право сердиться, зачем бранденбургскому принцу предпочтен Мориц? И тогда Курляндия со стороны Пруссии не будет иметь покоя; Пруссия скорее согласится на разделение Курляндии на воеводства, чем на возведение в ее герцоги саксонского принца; 3) Поляки никогда не позволят, чтобы Мориц был избран герцогом Курляндским и помогал отцу своему в его замыслах относительно Речи Посполитой».

Бестужев окончил чтение и посмотрел на Анну Иоанновну.

– Что вы скажете на это, ваша светлость? – спросил он.

– Значит, нет никакой надежды? – с отчаянием в голосе воскликнула герцогиня.

Гофмаршал и резидент, сделав какой-то неопределенный жест рукой, произнес:

– Попытаемся... Вы видите сами, ваша светлость, какую трудную партию мне приходится вести ради вас: с одной стороны, мне хочется сделать угодное для вас, с другой – я не должен забывать, что я – резидент ее величества. В Верховном тайном совете решили навязать вам и Курляндии двоюродного брата герцога Голштинского, второго сына умершего епископа Любского. Императрица с этим согласилась.

– Ни за что! – гневно воскликнула Анна Иоанновна, причем ее лицо покрылось красными пятнами бешенства.

– Но главный ваш враг – это Меншиков, ваше высочество, – продолжал Бестужев. – Знаете ли вы, что он сам метит на Курляндское герцогство?

– Он? Этот презренный раб? – задрожала герцогиня.

– Да, он, ваша светлость. Затем могу сообщить вам еще одну, заслуживающую внимания новость.

– Добивай!.. – растерянно, упавшим голосом вырвалось у Анны Иоанновны.

– Вы, конечно, хорошо знаете Лефорта? – спросил Бестужев.

– Я думаю.

– Так вот представьте, он писал Морицу, что Курляндию можно приобрести еще иным путем: стоит только жениться на Елизавете Петровне...¹

– Что?!.. – воскликнула герцогиня.

– То, что вы изволите слышать, ваша светлость, – невозмутимо продолжал Бестужев. – Но этого мало. Лефорт вообще принял на себя роль свата принца Морица. Не угодно ли вам познакомиться с отрывком одного из его писем к Морицу?

И Бестужев вынул из бокового кармана изящную записную книжку.

– А как же... как же, Петр Михайлович, ты ознакомился с содержанием этого письма? – удивилась Анна Иоанновна.

Тонкая, ироническая усмешка пробежала по губам дипломата.

– Мой совет вам, ваша светлость, – ответил он, – никогда не спрашивать дипломатов и царедворцев, как, каким путем они узнают то, что им необходимо знать. Это все равно что – по французской поговорке – говорить в доме повешенного о веревке. – Затем Бестужев, вытащив крошечные листки бумаги, начал: – Итак, Лефорт настаивает, чтобы Мориц сам приехал в Петербург.

«Вы должны явить собою важную особу, держать открытый дом, устраивать празднества, делать подарки, ибо русские самки любят веселье, что входит в ритуал русской жизни. Осмелюсь также указать вам, что в иных случаях необходима широкая щедрость».

¹ Елизавета Петровна – вторая дочь императрицы Екатерины I.

– О! – негодуяще вырвалось у Анны Иоанновны. – «Русские самки»! Ах, он...

И она произнесла слово, не совсем удобное в устах русской царевны и герцогини Курляндской.

Бестужев закашлялся.

– Ну-с, ваша светлость, – через минуту продолжал он, – а вот что граф Мантейфель спрашивает Лефорта: сколько будет стоить Морицу приобретение симпатии и друзей в наших губерниях? И вот что отвечает Лефорт: «Трудно сказать. Если говорить о Нан, надо уметь, если – о Лиз, надо знать».²

– Что это за «Нан»? – спросила Анна.

– «Нан»? Это – вы, ваша светлость, «Анна», – ответил Бестужев, – а «Лиз» – это Елизавета Петровна. Я не буду далее читать вам это интереснейшее письмо, а скажу только следующее: Лефорт пишет, что взять Елизавету будет стоить дороже, чем вас, а если вообще похерить вопрос о Елизавете, то, безусловно, лучше и выгоднее предпочесть вам дочь Меншикова.

Анна Иоанновна, вся дрожа от волнения, подошла к окну и резким движением распахнула его.

– О! – стоном вырвалось у нее. – Какой ужас, как все это низко, гадко!.. – Теплый ветер, ворвавшись в комнату, заиграл пламенем свечей в канделябрах и пышной прической царственной пленницы. – Ты прав, ты прав, Петр Михайлович, – продолжала она, – горе тем, кто носит горностаевые мантии!.. Сколько дрызг, хитрых интриг сплетается клубком вокруг них!..

Бестужев, подойдя к герцогине, произнес:

– Не сердитесь на меня, Анна... ваша светлость, за то, что я раскрыл вам все это. Я не считал себя в праве держать вас во тьме неведения.

– Сердиться? На тебя? Бог с тобой! – воскликнула Анна Иоанновна. – Я тебя благодарить должна, Петр Михайлович. И знай: если это случится, – ты будешь первым из первых. Ну, чем я виновна, что он понравился мне? Разве я – не женщина? Разве я могу заказать моему сердцу: молчи, не рвись, потому что ты – царевна, герцогиня...

Резкий свист донесся из глубины парка замка. Бестужев захлопнул окно.

– Что это? – отшатнулась Анна Иоанновна.

– Идите в ваш «бодоар», ваша светлость! – ответил резидент. – Тот человек, которого мы ждем, прибыл. – Это его сигнал.

Бестужев довел Анну Иоанновну до будуара, а затем быстро вышел.

² Это трудно определить точно, все зависит от того, кого иметь в виду: Анну или Елизавету.

II

Тайное свидание Морица Саксонского с Анной Иоанновной

Анна Иоанновна, опершись на высокую спинку кресла, застыла в каком-то безмерно-жутком, немом ожидании.

«Кого это он пригласил? Кто этот таинственный гость?» – проносилось в голове герцогини, вконец измученной тяжелым разговором со своим Петром Михайловичем Бестужевым.

Дверь будуара порывисто распахнулась.

Первым вошел Бестужев, за ним порывистой походкой высокий, стройный человек, закутанный весь в черный плащ.

Анна Иоанновна вздрогнула. Безобразная мысль, что ее, быть может, пришел убить какой-нибудь наемщик, пронизала все ее существо.

– Ваша светлость! – торжественно возгласил Бестужев. – Как гофмаршал вашего двора, я принял смелость пригласить сюда для совещания его высочество принца Морица Саксонского.

Прибывший быстро сбросил с себя плащ.

Вдох облегчения и безумной радости вырвался из груди Анны Иоанновны.

– Ах, ваше высочество... вы?! – воскликнула она.

А высокий, красивый, в раззолоченном мундире Мориц Саксонский порывисто опустился перед ней на одно колено и осторожно-почтительно поднес ее руку к губам.

– О, ваша светлость! Сегодняшний вечер – счастливейший в моей жизни: я вижу вас... – пылко произнес претендент на Курляндское герцогство.

В этой чрезмерной порывистости чувствовалось больше театральности, поддельной аффектации, чем истинного рыцарства.

Но не Анне Иоанновне, взволнованной радостью неожиданного свидания и вообще, по свойству своей грубоватой натуры, не понимавшей тонкостей, было понять, подметить это.

Она низко склонилась к Морицу³ и вопреки этикету горячо поцеловала его в лоб.

Бестужев кашлянул и вмешался в эту «трогательную встречу»:

– Ваше высочество! Вы вооружены с ног до головы? Эти пистолеты... – Резидент указал на шарф мундира Морица, за которым были заткнуты два пистолета.

Побочный сын короля Августа II вспыхнул.

– Что делать, ваше превосходительство, если здесь, в Митаве, на своего будущего герцога собираются охотиться, как на вепря или дикого кабана, – раздраженно вырвалось у него.

– Как? – всколыхнулась Анна Иоанновна. – Вы, ваше высочество, подвергаетесь здесь такой опасности?

Тревога влюбленной женщины зазвучала в голосе герцогини.

– Да, да, ваша светлость! – ответил Мориц. – Вам должно быть известно, какое сильное противодействие встречает в Петербурге мое желание сделаться герцогом Курляндским. А вы знаете, что в политике все средства хороши и допустимы, раз они ведут к определенной цели. Поэтому мне приходится быть зорким, охраняя свою жизнь.

И Мориц Саксонский, этот гениальный политический авантюрист с «нечистой царственной кровью», горделиво откинул голову назад.

Анна Иоанновна совсем простодушно залюбовалась им.

– Я полагал бы, ваша светлость, что его высочеству не мешало бы подкрепить свои силы бокалом доброго старого польского меда или золотистого токайского? – обратился к своей повелительнице хитроумный гофмаршал Бестужев.

³ Относительно этого поцелуя Мориц позже говорил: «Это был поцелуй коровы».

– Ах, да, да! Спасибо тебе... вам, Петр Михайлович, что вы напомнили мне о моих обязанностях гостеприимной хозяйки, – засуетилась Анна Иоанновна, после чего повернулась к изящнейшему принцу Морицу и с попыткой на кокетство спросила: – Вы не откажетесь, ваше высочество?

Мориц, прижав руку к сердцу, произнес:

– Но только с одним условием, ваша светлость...

– С каким же?

– Чтобы я, ваш скромный рыцарь, удостоился высокой чести выпить первый кубок из ваших рук, – с пафосом, низко склоняясь, воскликнул Мориц.

Бестужев налил два кубка меда.

– А себе? – бросила ему герцогиня.

– Там, где племянница императора изволит чокаться с сыном короля, кубку простого смертного, не августейшего, нет места, – почтительно склонился Бестужев.

И, если бы Анна Иоанновна была чуть-чуть попроницательнее, она заметила бы ироническую усмешку, тронувшую углы губ ловкого царедворца.

Бестужев скрылся за портьерой.

Анна Иоанновна протянула кубок Морицу.

– За что же мы выпьем, ваше высочество? – взволнованно спросила она.

– А как бы вы думали, ваша светлость? – дрогнувшим голосом ответил вопросом на вопрос он и впился долгим, пристальным, горящим взглядом в лицо герцогини.

Та сомлела. И бесконечно жутко стало «Измайловской» царевне, герцогине Курляндской, и бесконечно сладостно.

«Ах, этот взгляд!.. Как он глядит на меня!» – все так и запело и заликовало в ней.

А лицо чужеземного, сказочного «принца» все ближе и ближе склонялось к ней, а голос, бархатный, нежный, так и лился в душу.

– Вы молчите, ваша светлость? Хорошо, я дерзну сказать вам, за что я подымаю мой кубок. Слушайте же, царица моей души!.. Вы держитесь рукой за одну часть герцогской короны, но другая часть этой короны свободна, она как бы висит в воздухе. И вам одной тяжело держать ее. Правда?

– Правда... – еле слышно слетело с уст Анны Иоанновны.

– Вы задыхаетесь здесь, держа одну корону. Да?

– Да...

– И вот является к вам человек, которому день и ночь снится ваш дивный образ. Этот человек говорит вам: «Вам не следует самой держать корону над собой; надо, чтобы другой держал ее над вашей прелестной, царственной головкой. Позвольте, чтобы я облегчил вашу работу...» Скажите, ваша светлость, что вы ответили бы этому человеку?

Рука Анны Иоанновны, державшая кубок, сильно дрожала.

– Я... – с трудом выжимая из себя слова, начала она. – Я... сказала бы этому человеку: «Что ж, помогите мне, подержите корону надо мной!»

– А?! Так?!. Ну, в таком случае я гордо, смело подымаю мой кубок за наше совместное счастье! О Анна, Анна!

Ликующий возглас пронесся по небольшой гостиной мрачного кетлеровского замка, и Мориц, залпом осушив кубок меда, бросился к племяннице великого Петра и с силой прижал ее к своей груди.

Бешеным градом посыпались поцелуи на ее лицо, ее грудь, ее открытые руки.

– Моя! Моя! Моя невеста, моя будущая герцогиня Курляндская. *Le due Frederick Wilhelm est mort, vive le due Moritz de Saxe!*⁴ – пылко произнес Мориц.

⁴ Герцог Фридрих Вильгельм умер, да здравствует герцог Мориц Саксонский! (*фр.*)

– Милый мой... милый... – лепетала словно в бреду Анна Иоанновна. – Я все ждала такого принца, который пришел бы ко мне, скучающей затворнице, и вызволил бы меня из постылого заключения. И вот явился ты, такой гордый, сильный, смелый...

Портьера зашевелилась.

– И я смело отдаю тебе мою руку! – горячо сказала герцогиня. – Мой Мориц, мой долгожданный жених!..

Портьера распахнулась, и в гостиную вошел Бестужев.

Анна Иоанновна порывисто высвободилась из объятий Морица Саксонского. Ее лицо пылало румянцем счастья. Она со счастливой улыбкой подошла к своему гофмаршалу и прерывистым от волнения голосом радостно проговорила:

– Поздравь нас, Петр Михайлович!

За нею подошел и Мориц.

– Да, да, наш добрый, верный друг, – сказал он, – все кончено: вы видите перед собою жениха и невесту, Бестужев.

Лицо резидента и гофмаршала было бесстрастно. Ни один мускул не дрогнул на нем.

– Ваше высочество, сейм еще не состоялся... Еще неизвестно его решение, – спокойно произнес он.

Анна Иоанновна отшатнулась. Краска гнева бросилась ей в лицо.

– Петр Михайлович! Ты забываешься? О чем ты говоришь? При чем тут сейм, раз я, я желаю этого?! – воскликнула герцогиня и гневно топнула ногой.

– Увы, ваша светлость, вы не вольны избирать кого бы то ни было в герцоги Курляндские, – усмехнулся Бестужев.

– Но ведь завтра все это решится, ваше превосходительство, – смутился Мориц. – Позвольте, разве к вам не явился генерал-кригс-комиссар литовского войска Карп с верительным письмом от литовского гетмана Потоя к курляндским обер-ратам?

– Да, он был у меня.

– Так в чем же дело? Разве обер-раты пойдут против ясно определенных инструкций?

– Не пойдут, ваше высочество, – невозмутимо продолжал Бестужев. – Я, со своей стороны, сделал все возможное... Более того, я не сомневаюсь, что завтра сейм провозгласит вас своим герцогом. Но... – Бестужев, глядя в упор на Анну Иоанновну, dokonчил: – Но не забывайте Петербурга, не забывайте Меншикова.

– Я усмирю этого подлого раба! – гневно воскликнула герцогиня-царевна.

– Предостерегаю вашу светлость: пока он – всесилен, – уклончиво ответил Бестужев.

Анна Иоанновна хотела что-то ответить, но вдруг ее бриллиантовая корона, прикрепленная к высокой, пышной прическе, сорвалась и упала на пол.

Мориц бросился поднимать ее, но был предупрежден Бестужевым. Последний поднял корону и подал герцогине.

Суеверная Анна Иоанновна побледнела, как полотно.

– Что это... что это должно означать?... – тихо, упавшим голосом прошептала она.

– О, не придавайте, моя дорогая невеста, слишком большого значения этому ничтожному факту! – пылко воскликнул Мориц Саксонский.

– Разумеется, разумеется, – поддакнул Бестужев. – Голова вашей светлости не может остаться без короны.

Анне Иоанновне, выпившей два кубка, вино бросилось в голову.

– Я знаю, что за мной многие бегают, но я хочу сама распоряжаться своей судьбой! – резко произнесла она. – Мне не нужно ваших ставленных женихов...

– Ваша светлость... – строго произнес гофмаршал.

– Да, да, да! Ты слышишь это, Петр Михайлович?! – уже грозно, бешено dokonчила герцогиня.

В дверь гостиной раздался стук. На секунду все как бы оцепенели.

– Кто это?... – первая спросила герцогиня.

Бестужев спокойно вошел в будуар Анны Иоанновны и вышел оттуда с черным плащом Морица Саксонского.

– Оденьте его на себя, ваше высочество, закутайтесь в него хорошенько, – тихо по-французски произнес Бестужев, подавая плащ Морицу. – Иногда бывают случаи, когда инкогнито лучше открытого забрала. А выйти вам отсюда некуда.

Претендент на курляндский престол быстро задрапировался в плащ, спустив капюшон на лицо.

Бестужев подошел к двери, в которую стучали, и быстро, настежь, раскрыл обе половины ее.

На пороге стояла гофмейстерина ее светлости Анны Иоанновны баронесса Эльза фон Клюгенау, красивая, уже пожилая женщина с хищным и хитрым выражением лица.

– Что вам надо? – несколько взволнованно и грубо бросила своей придворной по-немецки Анна Иоанновна.

– Приношу тысячу извинений вашей светлости, что осмеливаюсь беспокоить вас, но господин обер-камер-юнкер Бирон домогается видеть вас по важному делу, – быстро проговорила гофмейстерина.

Анна Иоанновна недовольно сдвинула брови; Бестужев закусил губу.

– Что ему надо? – неудачно вырвалось у ее светлости.

– Обер-камер-юнкер двора вашей светлости не считает меня в числе своих конфиденток и потому не поверяет мне сущности разговоров с вашей светлостью, – запутанным немецким периодом злобно-торжествующе ответила придворная герцогини Курляндской, причем взгляд ее быстрых, острых глаз не сходил с задрапированной черной фигуры.

– Так в чем же дело, ваша светлость? – встал Бестужев. – Если Бирону надо что-либо сообщить вашей светлости, пусть он войдет. Просите его, любезная баронесса! – властно отдал он приказ гофмейстерине, захудалой вдове одного из митавских баронов.

Через секунду-другую в гостиную вошел среднего роста, склонный к полноте, человек в придворном мундире. Его лицо нельзя было назвать красивым, за исключением глаз, в которых сверкали какая-то скрытая, внутренняя сила, и главное, поразительная самоуверенность.

Его движения были ловки, смелы, едва ли не повелительными. Несмотря на то что в нем не виднелось ни йоты аристократизма, «породы», он как-то невольно привлекал к себе внимание.

– Очевидно, произошло что-либо чрезвычайно важное, любезный Бирон, если вы дерзнули утруждать ее светлость в такой неурочный час? – выпрямился Бестужев во весь рост перед своим ставленником.

Бирон, низко поклонившись герцогине, с улыбкой посмотрел на Бестужева и ответил:

– Вы не ошиблись, ваше высокопревосходительство... Но, разумеется, если бы я знал, что у ее светлости находится ее гофмаршал, я не минул бы вас за разрешением предстать перед ее светлостью.

Бирон говорил неправильно, с сильным акцентом.

– И сделали бы хорошо, мой милый Бирон, так как у ее светлости находится доктор. Ее светлость нездорова.

– Что вы хотели... – начала было герцогиня.

Но Бирон фамильярно перебил ее:

– Ах, ваша светлость, у вас доктор? Благодарите судьбу!

– Послушайте, Бирон!... – вспыхнул Бестужев.

– Ах, оставьте, ваше высокопревосходительство! – все так же преувеличенно громко и развязно продолжал обер-камер-юнкер. – Во-первых, моя уехавшая сестра шлет вам свой

поклон, а во-вторых, я продолжаю настаивать, что я чрезвычайно рад, что у ее светлости находится доктор.

При словах «моя сестра шлет вам поклон» Бестужев изменился в лице.

– А... а на что вам понадобился доктор? – быстро оправился от еле заметного волнения резидент и гофмаршал.

– Дело в том, ваша светлость, что ваша любимая лошадь Маркиза Помпадур серьезно захворала. Зная, как вы, ваша светлость, любите ее, я решился потревожить вас в столь поздний час. Но, может быть, это к лучшему? Может быть, присутствующий здесь доктор не откажет в милосердии бедному животному?

Мориц вскочил. Край его плаща распахнулся и обнажил блестящий мундир.

– Наглец! – загремел Мориц. – Если ты – конюх, так ты должен знать, что животных лечат не те доктора, которые лечат людей.

Бирон смертельно побледнел и отшатнулся.

Это слово «конюх», случайно вырвавшееся у принца и брошенное прямо в лицо обер-камер-юнкеру, было равносильно для того удару хлыста, потому что Бирон (Бирен) не мог похвастаться знатностью происхождения: он был сын низшего служащего при дворе прежних Кетлеров.

– За подобное оскорбление вы дадите мне сатисфакцию! – перехваченным от бешенства голосом прохрипел Бирон.

– Я?! Тебе? Да ты, любезный лошади, с ума сошел! – расхохотался Мориц, но вдруг спохватился и повернулся к герцогине: – Простите, ваша светлость, что в вашем высоком присутствии я позволил себе произнести несколько резких слов по адресу этого шута. Но его нахальство взорвало меня.

Бирон не сводил горящего гневом взора с лица Анны Иоанновны. А та совсем растерялась, не зная, что ей делать, как поступить.

Эту тяжелую сцену окончил Бестужев. Он заявил:

– Я, как гофмаршал двора ее светлости, принимаю на себя миссию выяснить завтра же для обоюдного соглашения то печальное недоразумение, которое только что произошло. А пока, опять-таки как гофмаршал, я хочу напомнить, что в настоящую минуту ее светлость нуждается в покое. Доктор, мы можем отправиться с вами вместе. До свидания, господин Бирон, завтра мы увидимся.

Бирон, никому не поклонившись, вышел из гостиной.

Бестужев, низко склонившись перед герцогиней, пошел в ее будуар.

– Следуйте за мною, ваше высочество, – тихо шепнул он принцу и скрылся в будуаре.

Мориц порывисто обнял Анну Иоанновну.

– Итак, дорогая Анна, все кончено? Вы согласны быть моей женой? – спросил он.

– Да!.. – счастливым шепотом вырвалось у герцогини.

– О, в таком случае я буду гордо и смело бороться за корону! Знаете ли вы, какие силы таятся во мне, как безумно горд и честолюбив я, как я владею шпагой и какой я великий полководец?

– Ваше высочество, пора!.. – послышался голос Бестужева из будуара.

– Прощайте, Анна, моя дорогая невеста, нет, нет: до свидания! – воскликнул Мориц.

Когда он вместе с Бестужевым ушел, у Анны Иоанновны вырвалось восклицание:

– Наконец-то счастье улыбается и мне!..

III

Черные тучи

Митава ликовала.

Последнее заседание сейма ознаменовалось событием огромной важности: подавляющим большинством голосов был избран новый герцог, и этим герцогом оказался граф Мориц Саксонский.

Тихие, буколические улицы и площади старонемецкого городка расцвели яркой иллюминацией.

– Да здравствует герцог! Да здравствует герцогиня! – неслись по улицам громкие возгласы.

Почти ни для кого в Митаве не являлось секретом, что, получив курляндскую герцогскую корону, Мориц возьмет за ней и ее приданое: вдовствующую герцогиню Анну Иоанновну.

Когда эти возгласы толпы ворвались в окна мрачного герцогского замка, Анна Иоанновна задрожала от радостного волнения.

– Он победил! Он победил, мой красивый, блестящий принц Мориц! Где же он? Что же он не едет ко мне?

Анна Иоанновна, эта тучная, рыхлая женщина, словно волшебством преобразилась. Она бегала по анфиладе комнат своего замка-темницы и возбужденно шептала:

– А где же Петр Михайлович? И он не едет. Да что они все: с ума посходили, что ль? – И она с какой-то порывистостью набросилась на свою гофмейстерину Эльзу фон Клюгенау. – Милая баронесса, вы слышите эти клики?

– Да, ваша светлость...

– А знаете ли вы, милая, что это значит?

– Избрание нового герцога, ваша светлость, – еле заметно усмехнулась придворная дама.

– И только? – гневно вспыхнула Анна Иоанновна. – Вы ошибаетесь, любезная. Это означает и избрание народом мне супруга.

Это нетактичное, более чем странное в устах герцогини и русской царевны восклицание повергло в изумление чопорную немку.

– О! – только и вырвалось из ее уст, сложенных бантиком.

– Да, да, да! – все более и более ажитировалась Анна Иоанновна, закусывая, по русской натуре, удила. – Знаете, баронесса, что скоро у вас будет новый повелитель: принц Мориц Саксонский, герцог Курляндский, мой муж.

Непритворная радость осветила лицо пожилой красавицы-гофмейстерины.

– Ваша светлость... какая радость! – воскликнула она. – Какое счастье! Позвольте мне, вашей низжайшей слуге, принести вам мое почтительнейшее поздравление!

И баронесса Эльза фон Клюгенау схватила руку Анны Иоанновны и прижала ее к своим губам.

Герцогиня была растрогана:

– Спасибо... Я, откровенно говоря, не полагала, что вы так любите меня...

Анна Иоанновна совсем размягчилась, слезы выступили на ее глазах. И в эту минуту она готова была всех обласкать, всем сделать приятное.

Вдруг она вспомнила о Бироне, которого вчера так резко «саданул» ее будущий супруг, Мориц. Она помимо своей воли вспомнила те «шаловливые шутки», которые она позволяла себе со своим молодым обер-камер-юнкером.

– А где Эрнст Бирон? – быстро спросила она гофмейстерину. – Позовите его сюда, любезная баронесса.

– Его нет в замке, ваша светлость, – угрюмо ответила Ключенау, и ее лицо сразу потемнело.

– А где же он?

– Я слышала, что он поехал к обер-гофмаршалу.

– А-а!.. – протянула Анна Иоанновна. – Пойдите, пойдите, баронесса, что это вы плачете? Что с вами? Да неужели... – У Анны Иоанновны словно сразу глаза открылись. Она привлекла к своей широкой груди свою придворную и ласково спросила: – Вы любите Эрнста?

Лицо Ключенау покрылось густым румянцем.

– Говорите же, отвечайте на мой вопрос! – продолжала допрос Анна Иоанновна.

– Да, ваша светлость, я люблю Бирона, – призналась томная вдовушка-гофмейстерина.

«Так вот оно что! – с усмешкой подумала про себя счастливая герцогиня. – Этот хват, Бирон, успел влюбить в себя эту стареющую немецкую „божью коровку“... То-то она частенько так злобно поглядывает на меня!»

– Ну, что же, милая баронесса, хотите, я буду вашей свахой? – рассмеялась Анна Иоанновна.

– Ах, нет, нет, ваша светлость! – в испуге замахала Ключенау руками. – Если этому суждено быть, пусть это совершится само собой. Вы не знаете, ваша светлость, какой это настоящий мужчина!

– Что же значит «настоящий мужчина»? – уже громко расхохоталась Анна Иоанновна.

– Он такой сердитый... властный... он – лев... – сентиментально закатила глазки придворная дама герцогини Курляндской.

* * *

Уныло и пусто было во дворце полномочного резидента и обер-гофмаршала Петра Михайловича Бестужева.

После свадьбы его дочери, красавицы Аграфены Петровны, вышедшей замуж за князя Никиту Федоровича Волконского, уныние и пустота воцарились там. Но в последние дни дворец резидента был неузнаваем. Какая-то лихорадочно-суетливая жизнь была в нем ключом. То приезжали курьеры, по-видимому, с весьма важными донесениями, то прибывали влиятельнейшие обер-раты во главе с маршалом. Помещение Бестужева в эти дни походило на штаб-квартиру главнокомандующего.

Бестужев нервно расхаживал по кабинету.

Избрание Морица Саксонского герцогом Курляндским совершилось.

Для Бестужева это не явилось неожиданностью, потому что он более, чем кто-либо иной, был в курсе выборов и сам активно помогал этому. Но теперь, когда это совершилось, неясное, но властное предчувствие какой-то грядущей беды и неприятностей закрадывалось в душу ловкого, хитрого царедворца.

– А как взглянут там, в Петербурге, на это? – шептал он, схватываясь по привычке за голову.

Сегодня у Бестужева уже побывал Мориц.

Новоизбранный герцог шумно благодарил его за «содействие» и обещал никогда не забыть этой услуги.

– Мы встретимся с вами, Бестужев, у Анны сегодня вечером, – смеясь проговорил Мориц на прощание.

Бестужеву подали записку. Он распечатал конверт и быстро пробежал глазами содержимое:

«Мой милый Петр Михайлович! Что же ты не торопишься ко мне?... При всей важной оказии желательно и любезно бы для меня было видеть в моем замке моего гофмаршала».

Бестужев в раздражении скомкал и бросил на пол записку.

– Дура! Эх как обрадовалась!.. Точно простая старая дева, выскакивающая замуж... Вдова... соскучилась, расторопилась, подумаешь, горемычная... – звонко шептал он.

В дверь кабинета раздался стук.

– Войдите! – гневно крикнул Бестужев.

В кабинет быстрой, уверенной походкой вошел Бирон.

При виде своего ставленника ко двору светлейшей герцогини озлобление резидента еще более усилилось.

– А-а... Это – вы, Эрнст Иванович? – сухо проговорил он.

– Как видите, господин обер-резидент и обер-гофмаршал! – с насмешкой в голосе ответил выскочка, сын придворного конюха, непостижимым образом обратившийся в обер-камер-юнкера. – Вы, кажется, не в духе? Это меня удивляет: в Митаве ликование, целое море огней – и вдруг тот, кто способствовал всему этому, мрачнее тучи. Donnerwetter! Was soil das bedeuten, Excellenz?⁵

– Что это за тон, который вы приняли в последнее время? – затопал ногами Бестужев. – Теперь уж я спрошу вас: что должно это означать?

– Только одно: я чувствую под собой твердую почву.

– И... и давно вы стали чувствовать ее, любезный Бирон? – весь побагровел резидент российского двора.

– С тех самых пор, как вы, ваше превосходительство, породнились со мной через мою сестру секретным браком, а главное – с тех пор, как вы затеяли вашу двойственную игру с Петербургом по поводу «курляндского дела».

– Бирон! – бешено вырвалось у Бестужева.

– Господин резидент! – в тон ему ответил Бирон.

Они встали друг против друга, словно два смертельных врага, измеряющих свои силы, готовых к прыжку друг на друга.

– То есть как это: я вмешался в «курляндское дело»? – первым нарушил тягостное молчание Бестужев. – Не сошли ли вы с ума, мой любезный друг Эрнст Иванович?

– Нисколько.

– Как же я, резидент ее величества, мог бы обойтись без вмешательства в это дело, во главе которого я стою? – спросил Бестужев.

Бирон насмешливо улыбнулся:

– Вы правы, Петр Михайлович, но вы только одно упустили из вида: нельзя в одно и то же время быть и строгим резидентом-дипломатом, свято отстаивающим интересы русского двора, и обер-гофмаршалом вдовствующей герцогини, изнывающей по отсутствию постоянного супруга.

Слова «постоянного супруга» Бирон резко подчеркнул и насмешливо поглядел на своего покровителя.

«Ого! Этот „конюх“, действительно, зазнался», – ожгла Бестужева мысль.

А этот «конюх» невозмутимо продолжал:

– Слушайте меня внимательно, Петр Михайлович. Да будет вам известно, что все «митавское действо» известно мне досконально, до последнего шнура на запечатанных конвертах курьеров.

– В самом деле, мой милый? – насмешливо бросил Бестужев, изменяясь помимо своей воли в лице.

– Да, да, уверяю вас, ваше превосходительство!

⁵ Черт побери! Что же должно это означать, ваше превосходительство? (нем.)

– Виноват, Эрнст Иванович, – вдруг круто перебил Бирона Бестужев. – Ответьте мне только на один вопрос с той откровенностью, на какую я, кажется, имею право: вы-то, вы-то почему так близко интересуетесь и принимаете к сердцу это «курляндское дело»?

На секунду в кабинете воцарилось молчание.

– Хорошо, я вам отвечу прямо и откровенно, – произнес наконец Бирон. – Я потому против всего этого, что не хочу никому – понимаете, никому! – отдать Анну.

Это признание явилось до такой степени неожиданным и дико-странным, что Бестужев буквально замер в немом изумлении.

– Что? Что вы сказали, Бирон? – не веря своим ушам, пролепетал пораженный резидент.

– Вы здоровы? В своем уме?

Бирон расхохотался:

– Совершенно здоров! А если бы и был болен, то во всяком случае не обратился бы к тому доктору, которого вы изволили вчера привести к ее светлости. Я ведь знаю, что это за лечитель телесных недугов, ха-ха-ха! С ним я сведу счеты, будьте уверены!..

– Ах, вы знаете? Это делает честь вашей проницательности и исключает всякую возможность сведения между вами каких-либо счетов, – пробормотал совсем сбитый с толка Бестужев.

– Это почему же? – надменно выпрямился «конюх». – Не потому ли, что он – не то граф, не то принц? Но, дорогой Петр Михайлович, не забывайте, что этот граф-принц не настоящей крови и что таких господ величают...

Резкое, отвратительное слово прозвучало в кабинете русского вельможи.

– Вы забываетесь, Бирон! – вспыхнул Бестужев. – Всему есть предел.

– Совершенно верно, ваше превосходительство, – невозмутимо продолжал Бирон. – И первое, чему должен быть положен немедленно предел, – это неуместному и чрезмерному ликованию Митавы по поводу кукольного избрания этого авантюриста Морица герцогом. Смотрите, Петр Михайлович, как бы для вас это не явилось равносильным смертному приговору.

– Как так? – привскочил на кресле Бестужев.

– Очень просто. В то время как в Митаве происходит ликование, возжигаются иллюминации, к Митаве приближаются два неожиданных гостя. Из Варшавы едет Василий Лукич Долгорукий, а к курляндской границе подъезжает сам светлейший Александр Данилович Меншиков.

Бестужев вскочил так порывисто, что кресло отлетело в сторону.

– А вы... вы откуда же это знаете? – дрогнувшим голосом спросил он.

Бирон, насмешливо поведя плечами, ответил:

– У меня, ваше высокопревосходительство, есть друзья, которые сообщают мне интересные новости. Ну-с, теперь вы сообразите сами: для чего сюда едут два посланца ее величества Екатерины Алексеевны, один из которых – сам всемогущий Меншиков? Для того, вы полагаете, чтобы приветствовать избрание Морица Саксонского? Так вот я и спешил к вам, чтобы предупредить вас о тех черных тучах, которые сгущаются над Митавой и отчасти над вашей головой.

– И это... это верно? – всколыхнулся Бестужев.

– Вы можете ждать появления Долгорукого или извещения от светлейшего каждую секунду, – резко произнес Бирон. – Мой совет вам: немедленно отдайте распоряжение о прекращении иллюминации и народного ликования; помните, что все это учтется вам!

Бестужев позвонил и отдал краткий приказ:

– Тушите огни! Чтоб ни одна плошка не освещала моего дворца...

И вскоре дворец русского резидента стоял большой черной массой.

– Если все это подтвердится, Эрнст Иванович, я буду считать себя вашим должником, – взволнованно проговорил Бестужев.

– Мы еще сочтемся, Петр Михайлович... Я просил бы вас только об одном: не становиться на моем пути.

Наступило молчание.

– Вы вот, Эрнст Иванович, – заговорил Бестужев, – только что сказали одну фразу, смысл которой для меня неясен, туманен: «Я не хочу никому отдать Анну». Так?

– Так!

– Что должна означать эта фраза? Теперь мы наедине, мы можем говорить откровенно, – продолжал Бестужев.

– Извольте, я сам не люблю играть в прятки. Для вас, Петр Михайлович, кажется, не должно бы быть секретом, что ее светлость, Анна Иоанновна, подарила меня своею благосклонностью... Припишите это чему угодно: моей ловкости или ее скуке, – но факт остается фактом.

Бестужев изменился в лице и закусил губу.

Бирон заметил это.

– Вы, может быть, осуждаете меня за то, что я оглашаю тайну, какую обыкновенно не принято говорить даже на исповеди священнику? – спросил он. – Но, во-первых, вы сами настаивали на полной откровенности, а во-вторых, мы – не просто мужчины, а люди придворные, которым разрешено делать такие ходы, какие не дозволяются простым смертным.

«Ловкий он, ох, ловкий!» – проносилось в голове Бестужева.

– Итак, это совершилось, – продолжал между тем Бирон. – О том, что вы знаете это, не может быть сомнения. Лучшим доказательством служит ваше письмо к вашей дочери Аграфене Петровне Волконской.

– Как?! Вы и это знаете?

– Знаю. Хотите, я вам на память скажу начало его? «Я в несносной печали; едва во мне дух держится, потому что через злых людей друг мой сердечный от меня отменился, а ваш недруг (Бирон) более в кредит остался».

– Как вы узнали содержание этого письма? – глухо спросил Бестужев.

– А не все ли это вам равно, Петр Михайлович? Только вы одну ошибку допустили: я – вовсе не ваш недруг, а друг, а вот по отношению ко мне-то вы разные интриги пробуете подпускать.

Бестужева передернуло.

– Итак, я не хочу отдавать то, что мне принадлежит! – опять надменно выпрямился Бирон. – Вы извините меня, но это только русские дур... глупые люди глядят спокойно и хладнокровно, как мимо их рта проносят ложку.

– И конечная цель вашего домогательства? – прищурился Бестужев, играя лорнетом.

– Она так высока, что вы, *donner-wetter!* – даже не поверите мне! – потер руки Бирон.

Бестужев с нескрываемым удивлением глядел на тайного фаворита ее светлости.

Бирон подошел и заглянул во все двери кабинета.

– Что это вы делаете, Бирон? – спросил резидент.

– Иногда и двери имеют уши, ваше превосходительство, – прошептал «конюх», а затем, подойдя вплотную к Бестужеву и в упор глядя на него, продолжал: – Скажите, Петр Михайлович, вы верите в тайные науки магов и чародеев?

Бестужев усмехнулся:

– Вы положительно решили сегодня изводить меня загадками, любезный Эрнст Иванович.

– Однако вы не пожалеете о сегодняшнем вечере... Итак, верите вы или нет?

– Нет! – решительно ответил Бестужев.

– Напрасно! Смотрите на мою руку. Этой руке было предсказано, что она будет поддерживать корону. Что вы скажете на это, Петр Михайлович?

Ироническая улыбка тронула углы губ Бестужева.

– Скажу, что это предсказание в некотором отношении исполнилось, – ответил он. – Вы очень близко стоите к особе, на голове которой находится герцогская корона.

Бирон, отрицательно покачав головой, возразил:

– Этого мало.

– Я вас тогда не понимаю: о какой же еще короне говорите вы?

Бирон низко склонился к самому уху резидента и тихо прошептал:

– Я говорю о короне императорской!

Бестужев вздрогнул и, во все глаза поглядев на Бирона, воскликнул:

– Что?

– Да, да... именно о короне императорской.

– И будете поддерживать ее вы?

– Я.

– Но чью же?

– Императорскую корону Анны Иоанновны.

Бестужев встал в раздражении.

– Я совершенно не понимаю, Бирон, – произнес он, – почему у вас явилось желание мистифицировать меня. То, что вы говорите, отзывается, простите, бредом.

– Вы так полагаете?

– Да, я так полагаю! – резко ответил вконец измученный Бестужев.

– Ну, так слушайте же меня внимательно!

Бирон начал вполголоса что-то долго и подробно говорить Бестужеву, и по мере того, как говорил Бирон, все большее и большее изумление отражалось на лице резидента.

– Да, да, там еще, в Москве, на коронации, – вылетало у Бирона.

– Кто же он?

– Великий магистр, Джиолотти... Он был проездом... Я виделся с ним...

И опять Бирон стал объяснять чудесную тайну своего открытия.

Бестужев утирал пот со лба шелковым платком.

– Великий Боже... если это правда?... – глухо произнес он, и смертельная тревога послышалась в его голосе. – Слушайте, Бирон, а это – не шарлатан?

– Нет, Петр Михайлович, он – ученейший человек. Перед ним бледнели многие сильные мира сего...

Бестужев делал все усилия, чтобы овладеть собой.

– Ну, хорошо, допустим! – произнес он. – Он, этот великий магистр, предсказал вам блестящую будущность. Но при чем же тут непременно Анна? Разве вы – раз вам это суждено – не можете играть такую же выдающуюся роль при другом русском венценосце? Ведь он, ваш Джиолотти, именно про Анну вам не говорил?

– Совершенно верно. Но вы отлично понимаете, что ни при ком ином, кроме Анны, мне не суждено возвыситься на такую ступень власти, – бросил Бирон. – А если вы сомневаетесь в этом, то ведь не так трудно проверить еще раз все это.

– Каким образом? – живо спросил Бестужев.

– Очень простым: я выпишу этого Джиолотти из Италии сюда, к нам. Конечно, это будет сопряжено с большими деньгами, но что они в сравнении с тем великим будущим, которое нас ожидает?

Слово «нас» Бирон особенно подчеркнул.

– Нет, нет! Этого быть не может! – схватился за голову Бестужев. – Это пахнет волшебной сказкой, – по-немецки вырвалось у него.

Он не видел лица Бирона; а оно было зло-торжествующее, особенно вызывающее.

IV

Царевна и «презренный раб»

На следующее утро Бестужев, сильно взволнованный, вошел по обыкновению без доклада к Анне Иоанновне.

– Что это означать должно, Петр Михайлович, что вы все меня покинули? Я скучала одна, – стала пенять герцогиня.

– Теперь не до скуки, ваше высочество, – раздраженно вырвалось у резидента.

Анна Иоанновна, испуганно поглядев на него, спросила:

– Что такое опять? Что случилось?

– Более чем серьезное: Меншиков прибыл в Ригу.

Герцогиня схватилась за сердце; неясное предчувствие беды властно охватило все ее существо.

– Это он для чего же? – растерянno прошептала она.

– Для и ради этого проклятого курляндского дела, по которому я, ваше высочество, из-за любви и преданности к вам, рискую сломать себе шею, – угрюмо произнес Бестужев. Он прошелся по будуару Анны и, вдруг круто остановившись перед ней, сказал, – сию же минуту вам надо собираться в дорогу, ваше высочество.

– В какую дорогу? Куда? – обомлела Анна Иоанновна.

– На свидание со светлейшим в Ригу. Будет гораздо лучше, если вы увидите с ним до его приезда в Митаву.

– На свидание с ним, с этим «презренным рабом»? – так и вспыхнула несчастная вдовствующая герцогиня Курляндская. – А если я этого не желаю?

– Мало ли что приходится делать помимо своего желания! – резко ответил Бестужев. – Слушайте!.. Меншиков приехал с целью круто повернуть курляндское дело. Нечего и говорить, что он употребит все свое влияние, дабы Мориц не был утвержден в герцоги ее величеством. Мало того: он вам сообщит одну преинтересную новость. Так вот вымалывайте у Меншикова милость, чтобы он не противился избранию Морица и вашему браку с ним. Хлопочите, плачьте, но помните одно: что бы ни случилось, вы должны крепко держаться за меня, так как без меня вам солоно придется, ваше высочество. И помните еще одно: если вы убедитесь, что никакие мольбы не помогают, – покоритесь, потому что ничего другого вам не остается.

Митавская царственная затворница, тихо заплавав, промолвила:

– Так вот оно что?... Стало быть, конец моим мечтам?... Так, так!.. Вот почему и корона с головы моей упала.

Бестужеву вдруг с поразительной ясностью вспомнился вчерашний разговор с Бироном, которого он ненавидел, но силу и ум которого вчера оценил.

– Не плачьте об этой короне, ваше высочество! Для вас мы найдем иную, более блистательную! – вырвалось у него, и он принялся подробно пояснять Анне Иоанновне все то, что она должна говорить светлейшему о нем, Бестужеве.

Даваясь слезами, но с глазами, полными злобы и непримиримой ненависти к «подлому рабу-пирожнику», выскочке-временщику, под дудку которого она – русская царевна – должна плясать, Анна Иоанновна принялась снаряжаться в короткий путь. А перед ее глазами, точно нарочно, вставал дерзко-красивый, блестящий образ «сказочного принца» Морица.

* * *

Анна Иоанновна остановилась за Двиною, в пустом старом замке, и послала Меншикову следующую записку:

«Уведав о прибытии вашей светлости, почла за приятную нужду повидать вас; поелику прошу пожаловать вас ко мне. Анна».

В мучительном волнении ожидала герцогиня Курляндская свидания с ненавистным ей человеком.

– Господи! – вырвалось у нее негодующим стоном. – До чего довели меня, до какой конфузии, до какого срама!.. Я перед ним, точно девка подлая, стоять на допросе должна. И по какому праву он пытать совесть и желание мое осмеливается? – Все больше и больше озлобление подымалось со дна души Анны. – Я покажу тебе, презренный раб, как надо обходиться с племянницей императора! – настраивала она себя на воинственный лад.

– Ваша светлость! Ваша светлость! – вбежала служанка, взятая герцогиней с собой. – Светлейший приехал! Идет уже сюда!..

И тут вдруг случилось то, что должно было случиться: рыхлая, безвольная русская царевна, воспитанная в полутюремном укладе тогдашней варварской русской жизни, сразу почувствовала прилив страха, робости. Куда девалась воинственная, горделивая спесь царевны перед властным мужчиной, могущественным временщиком. Ее ноги задрожали, руки похолодели, сердце неровно заколотилось в груди...

Распахнулась дверь – и на пороге выросла фигура светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова.

Он был в парадной форме, при всех регалиях, с лентой через плечо.

Тяжело опираясь на трость с золотым набалдашником, подходил он к племяннице того, кто из грязи, ничтожества своей державной волей сделал его могущественнейшим человеком империи.

Анна Иоанновна не выдержала и торопливо сама пошла к нему навстречу.

– Благодарю вас, князь Александр Данилович, что так скоро изволили вы пожаловать по моему зову, – взволнованно начала она.

Меншиков низко поклонился и, поцеловав протянутую руку герцогини, произнес:

– Не вам, ваше высочество, следует благодарить меня, а мне вас за ту высокую честь, которую вы изволили оказать мне вашим неожиданным прибытием сюда. Я полагал свидеться с вами немедля по моем прибытии в Митаву в вашем герцогском замке.

Анна Иоанновна закусила губу. Она поняла, что удар отпарирован искусно и что Меншиков подчеркивает то обстоятельство, что она первая прибыла к нему на поклон, а не обратно.

– Разрешите мне сесть, ваше высочество... Нога что-то у меня побаливает. – И, не ожидая ответа Анны, светлейший грузно опустился в кресло. – Как вы, ваше высочество, изволите себя чувствовать в Митаве? Ее величество изволит живо интересоваться...

Анна Иоанновна вспыхнула; вся кровь бросилась ей в голову. Эту, казалось бы, невинную фразу она истолковала впрямую над собой насмешку, «в издевку».

«И он, и они еще спрашивают об этом?!» – пронеслось в ее голове.

– Благодарю ее величество и вашу светлость за столь лестную заботу и внимание о моем митавском заключении, – с сарказмом и неподдельной горечью ответила она. – А я, признаюсь, так полагала, что, упрятав меня в Митаву, обо мне совсем позабыли. Что думать о какой-то несчастной вдовке какого-то захудалого немецкого герцога?...

Меншиков и бровью не повел, а только пытливо, зорко вскинул на Анну Иоанновну свой взгляд и продолжал:

– Напрасно изволите так полагать, ваше высочество! Вы не только вдова немецкого принца, но и русская царевна.

Наступило молчание.

Знаменитый сподвижник Петра знаменательно смотрел на герцогиню, как бы предоставляя ей первой начать настоящую беседу.

«Ты вызвала меня на свидание, – так говори, что тебе надо от меня», – стоял немой вопрос в глазах светлейшего.

Анна Иоанновна поняла это и, собравшись с духом, начала:

– Вы вот, князь Александр Данилович, упомянули, что ее величеству благоугодно интерес иметь к моему житию в Митаве.

Меншиков молча наклонил голову.

Видя это, герцогиня продолжала:

– Услыхав о вашем прибытии, я поспешила к вам навстречу, желая обратиться через вас к ее величеству с всепокорнейшей просьбой. Дозвольте мне питать надежду, что вы со своей стороны окажете мне содействие.

О, с каким трудом вырвались у Анны Иоанновны последние слова!

– Ваше высочество, вы можете быть уверены в том, что я рад служить вам, – произнес светлейший. – В чем дело?

– В моей судьбе, я хочу учинить перемену, князь Александр Данилович.

– Это какую же, ваше высочество?

Анна Иоанновна почувствовала необъяснимую робость и, запинаясь, ответила:

– Вам, конечно, ведомо, что принц Мориц Саксонский пожелал сделаться герцогом Курляндии?

– Да, я знаю это, ваше высочество.

– Так вот я желала бы выйти замуж за него, – выпалила Анна Иоанновна сразу, быстро, решительно. – Теперь Мориц Саксонский избран сеймом в герцоги... Но, поелику я не вольна сама распоряжаться своей судьбой, и я прибегаю с покорной просьбой к ее величеству об утверждении Морица герцогом и о всемилостивейшем разрешении вступить мне с ним в брак.

Словно гора свалилась с плеч герцогини-царевны, когда она высказала это свое пламенное желание.

Меншиков спокойно высморкался в шелковый платок, после чего бесстрастно спросил:

– Это все, ваше высочество?

– Да.

– В таком случае я глубоко сожалею, что ваша первая и единственная просьба к ее величеству ни в каком случае не будет исполнена императрицей.

Анна Иоанновна порывисто встала с кресла.

– Это почему же? – вспыхнула она.

– По трем причинам, ваше высочество, – ответил Меншиков, тоже вставая с кресла.

– Как вы можете знать наперед, угодно будет ее величеству или нет снизить до моей слезной просьбы? – крикнула Анна Иоанновна.

В этом «вы», которое она швырнула с особым подчеркиванием в лицо Меншикову, зазвучало презрение царевны к худородному, надменному вельможе.

Глаза великого «высочки» засветились злобой и раздражением.

– Ваше высочество, вы изволите забывать, что я по моему положению являюсь ближайшим и главным руководителем планов ее величества, – резко отчеканил Меншиков. – И, если угодно вам знать, я именно по этому делу и прибыл сюда.

Анна Иоанновна спохватилась, что сразу зашла слишком далеко, и поспешила смягчить свою вспышку.

– Ах, князь Александр Данилович, вы, кажется, могли бы понять ту ужасную ситуацию, в которой я пребываю, – вырвалось у нее. Слезы уже готовы были брызнуть из ее глаз, но страшным усилием воли она поборола себя: ей стало противно плакать перед этим человеком. – Постойте, Александр Данилович, выслушайте меня. Неужели у ее величества не дрогнет сердце нанести удар мне, которая столько лет пребывает во вдовстве? Ведь каждая ее придворная дама живет лучше и счастливее меня. – Голос Анны стал заметно дрожать. – Что это за жизнь вы устроили мне здесь? Не могу я больше так, не могу, не хочу! – бешено закричала она, после чего, гордо выпрямившись, продолжала с удвоенной энергией, – блаженные и вечно достойные памяти государь император Петр Алексеевич имел всегда обо мне попечение... Вам, Александр Данилович, должно быть, ведомо, что о супружестве моем с некоторыми особами и трактаты уже были подписаны. Или не так я говорю?

– Вы изволите говорить, ваше высочество, сущую правду, и на нее я позволю себе выразить лишь одно: иногда и предреченное меняется волею рока, – почтительно ответил Меншиков.

– Почему же из всех только именно одна я должна испытывать всю тяготу этого рока? – опять вспыхнула Анна Иоанновна.

– Не огорчайтесь, ваше высочество: после годов испытания всего вернее ожидать счастья.

– Ха! Вы все толкуете о счастье для меня, а где же оно, когда оно придет? Вот теперь, когда я по своему желанию пытаюсь устроить свою судьбу, вы первые мешаете ему.

Как ни крепилась Анна Иоанновна, она не выдержала: ее грудь порывисто заколыхалась, веки задрожали, губы запрыгали, и она с громким, нудным рыданием опустила в кресло и забилась головой о его высокую спинку.

На что уж был прожженный «царедворец» Александр Данилович Меншиков, какую, кажется, суровую муштру с петровской дубинкой прошел он, как, казалось бы, должен был закалиться он «при всех видах», но и он невольно смутился перед этим взрывом холодного отчаяния герцогини Курляндской.

Что думал он, глядя на царственную племянницу своего великого благодетеля, бившуюся головой о кресло, исходившую слезами?

– Ваше высочество... Бог с вами... придите в себя!.. – заговорил он. – Негоже русской царевне предаваться такому отчаянию... Сейчас я приведу те резоны, по коим вам не стоит печься о браке с сим графом Саксонским, а пока скажу одно: иной, может, найдется.

– Не надо мне вашего выбора! – крикнула Анна Иоанновна. – Опять, может быть, такого же мужа, как и первого, изберете... Опять через месяц вдовой оставите... Опять споите его до смерти...

С герцогиней сделался сильнейший истерический припадок.

Вбежала служанка. Меншиков совсем растерялся.

Но мало-помалу Анна Иоанновна стала приходить в себя. Слезы облегчили ее вконец измученную грудь.

– Ваше высочество, – произнес светлейший, – не чаял я, что вы все это столь близко принимаете к сердцу. На меня вы не должны гневаться: я являюсь лишь исполнителем воли ее величества.

Анна Иоанновна, иронически усмехнувшись, возразила:

– Такая скромность не идет к лицу вам, князь Александр Данилович! Если прежде вы, действительно, являлись только исполнителем державной воли, то теперь представляете собою полновластного хозяина ее, распорядителя. А о сердце моем больше не тужите: окаменело оно с сей минуты на веки вечные. Одно скажу вам: действительно, многое меняться может в жизни каждого человека. Так вот, если когда-нибудь случится и вам нелегко, – вспомните тогда нашу сегодняшнюю встречу и не забудьте о слезах, которые проливали перед вами несчастная герцогиня Курляндская. А теперь, ваша светлость, милостивый государь князь Александр Дани-

лович, потрудитесь поведать мне те резоны, по коим ее величеству не угодно будет исполнить мою просьбу.

Анна Иоанновна встала и царственно-горделиво выпрямилась всей своей пышной фигурой перед «подлым рабом».

Меншиков по свойству своей «подлой» натуры невольно пригнулся перед этой величественной осанкой. Но, и пригибаясь, он не удержался, чтобы не умалить захудалой царевны следующими словами:

– В вашем высочестве произошла изрядная перемена после того, как вы изволили быть на коронации в Москве в сопровождении обер-камер-юнкера Бирона. Довольны ли вы им, ваше высочество? Он, кажется, имеет большую осведомленность в лошадях.

– Да, да, каждый должен быть чем-нибудь, Александр Данилович: кто – пирожником, кто – лошадиником, – усмехнулась герцогиня.

Меншиков побагровел. Однако он поборол свой гнев и произнес:

– Так вот-с резоны, по коим ее величество не может согласиться на вашу слезную просьбу: первое – что избрание Морица герцогом Курляндским вредило бы интересам российским и польским, а второе – что вступать вам с ним в супружество неприлично, так как он рожден от метрессы, а не от законной жены. От такого брака произошло бы великое бесчестие и ее величеству, и вашему высочеству, и всему государству. Я удивляюсь, как Петр Михайлович Бестужев не предупредил вас об этом. Вообще многое мне является странным в поведении господина резидента. Как мог он, имея указ ее величества и ведая сего дела важность, допустить избрание Морица сеймом? По-видимому, он чинил факции, и об этом я имею особый указ.

Анна Иоанновна вспомнила, что наступил момент начать «заступу» за своего старого, верного друга, и в бурных, горячих словах стала обелять Петра Михайловича, принимая ответственность за все совершившееся только на себя.

– Я покорно прошу ее величество и вас, ваша светлость, Бестужева ни до какого бедства не допустить и чтобы он был при мне по-прежнему, – закончила герцогиня.

Меншиков, поклонившись, сказал:

– Я обещаю это вам, ваше высочество, при обязательном условии: вы должны постараться опровергнуть усердие Морица и вместо того учинить деяние, которое ее величеству будет благоугодно.

На секунду Анна Иоанновна задумалась. Глухая, тяжелая внутренняя борьба происходила в ней.

«Я, я сама, своими собственными руками должна рушить то, что так дорого и мило моему сердцу! Это ль – не искус великий, не пытка? До чего они жестоки!» – закружились мысли в голове несчастной женщины.

– А ежели я не соглашусь на это? – подняв голову, спросила она.

– Тогда Бестужев понесет суровое наказание за свою вину, а вам, ваше высочество, придется испытать на себе всю силу гнева и опалы государыни императрицы. Вам будут предстоять тяжелые дни, – спокойно ответил всесильный временщик.

– Но как же я могу помешать случившемуся? – воскликнула вконец измученная герцогиня Курляндская.

– Вы, ваше высочество, потрудитесь по приезду в Митаву призвать к себе канцлера Кейзерлинга и приказать ему представить курляндским управителям и депутатам те резоны в опровержение избрания Морица, которые я имел честь только что сообщить вам. Тогда все дело окончится благополучно: вы заслужите особенное благоволение ее величества. Бестужев останется при вас...

– А герцогом Курляндским кто же будет? – быстро спросила Анна Иоанновна.

– Или герцог Голштейнский, или я.

– Вы?! – вырвался у Анны Иоанновны возглас удивления.

– Да, я, ваше высочество.

Герцогиня провела рукой по лбу.

– А-а... теперь все понимаю... все, все!.. – вырвалось у нее, а затем она круто повернулась и пошла к выходу из зала; но в дверях остановилась и глухо бросила светлейшему: – Хорошо!.. Я согласна. Я уезжаю в Митаву. Прощайте, Александр Данилович!

– А разве не до свидания, ваше высочество? Я тоже скоро прибуду в Митаву.

– Но ведь мы уже обо всем переговорили, – надменно произнесла Анна Иоанновна и скрылась за дверью.

V

«Вы меня обманули, Мориц...»

До Митавы оставалось всего версты три-четыре.

Темнее тучи возвращалась в свою резиденцию Анна Иоанновна после «постылого свидания» со светлейшим.

Легкая коляска, в которой она сидела со своей служанкой, быстро неслась по шоссе. Сумерки роскошного июньского вечера уже падали на поля, от которых несло чудесным запахом свежескошенного сена.

Вдруг позади коляски послышался топот бешено скачущей лошади.

– Кто это, ваша светлость? – испуганно воскликнула трусливая служанка.

Анна Иоанновна обернулась и стала пристально всматриваться.

– Не вижу... пыль идет столбом... Ах да, неужели?... Нет, нет... ошибаюсь я!.. – воскликнула она и в смущении и робости откинулась на спинку коляски.

А топот становился все ближе, ближе... Уже доносился храп взмыленной лошади.

Всадник догнал коляску и, крикнув кучеру «стой!», склонился с седла к сиденью.

– Ваша светлость! Моя обожаемая невеста Анна! – послышался вздрагивающий красивый голос Морица.

Все задрожало в Анне Иоанновне – и руки, и ноги, и сердце. Кровь горячей струей забила в жилах... И жутко, и до смерти сладостно сделалось ей.

– Я поджидал вас здесь, в леску, Анна, – по-французски бросил граф Саксонский. – Я ведь узнал, куда вы поехали. Вы виделись с этим проклятым медведем Меншиковым. И знаете, что со мной произошло сейчас? Какие-то наемные убийцы стерегли меня. Они из засады стреляли в меня, – смотрите, я ранен в руку, Анна! Но что такое какая-то жалкая царапина в сравнении с моей к вам любовью!

Любовь и тревога за участь этого человека всколыхнули душу Анны Иоанновны, но это был лишь один момент.

– Мне неудобно разговаривать с вами здесь, на проезжей дороге, ваше высочество, – сухо промолвила она. – Вы видите, я – не одна. Если вам угодно побеседовать со мной, я прошу вас пожаловать ко мне сегодня попозже, часа через три в мой замок...

Мориц был несказанно удивлен холодным тоном герцогини.

– А как я могу приехать к вам? Открыто? – с неудовольствием спросил он.

– Совершенно открыто. Вас будут ожидать, вас встретят, – ответила Анна Иоанновна и по-немецки крикнула кучеру: – Пошел!

Старый замок Кетлеров, резиденция-тюрьма вдовствующей герцогини, был освещен.

Первым лицом, которое встретила Анна Иоанновна при входе в свои покои, была ее гофмейстерина Ключенау. Заметив смертельную бледность, покрывавшую лицо ее повелительницы, красавица-баронесса всплеснула руками.

– О боже! Вам дурно, ваша светлость? – засуетилась она.

Анна Иоанновна отвела ее рукой и твердо произнесла:

– Позовите ко мне Бирона, если он находится в замке.

Гофмейстерина изменилась в лице и круто отвернулась от ее светлости.

В глубоком изнеможении, бессильно опустив руки, сидела царственная митавская затворница в кресле. Она не переменила туалета, в котором ездила на свидание со светлейшим. Не до того, должно быть, было ей. Глубокие складки бороздили ее лоб. Какая-то тревожная, пугливая мысль залегла на ее лицо.

В дверь раздался стук.

– Войдите! – крикнула Анна Иоанновна по-немецки.

На пороге стоял Бирон.

Пожалуй, никогда, даже впоследствии, когда этот «конюх» находился на высших ступенях власти, на его лице не играла столь торжествующая улыбка, полная удовлетворенного самолюбия, злорадства, как в этот момент. Взоры его красивых, выразительных глаз впились в скорбно-понурую фигуру сидящей Анны Иоанновны.

– Это – вы... это – ты, Эрнст Иванович? – тихо проговорила она.

– Как видите, ваша светлость... – ответил Бирон, не трогаясь с места.

– Подойди сюда... поближе... мне надо сказать тебе несколько слов...

Бирон подошел к племяннице великого Петра.

– Вот что, Эрнст Иванович! – заговорила последняя. – Скоро сюда прибудет принц Мориц Саксонский... Я назначила ему свидание сегодня вечером.

Глубокое изумление засветилось в глазах Бирона.

– Что же вам угодно от меня, ваша светлость? – насмешливо спросил фаворит, которого Анна Иоанновна в этот период времени держала еще «в черном теле».

– Так как мой обер-гофмаршал Петр Михайлович сегодня отсутствует, ибо он отправился к светлейшему, то его обязанности я возлагаю на тебя, – с трудом ответила Анна Иоанновна. – Я поручаю тебе встретить и проводить в парадный зал Морица и доложить мне о его прибытии.

Бирон побледнел.

– Ваше высочество, ваша светлость! – дрогнувшим голосом глухо проговорил он. – Рискую навлечь на себя ваш гнев, я тем не менее отказываюсь исполнить ваше приказание.

Он ожидал вспышки злости, бешенства со стороны герцогини и был поражен кротким голосом, каким она апатично и спокойно спросила его:

– Почему ты отказываешься, Эрнст Иванович?

– Да потому, что это свыше моих сил! – вырвалось у него бурно. – Неужели вы полагаете, что здесь, – Бирон стукнул себя по сердцу, – что здесь находится не сердце, а камень? Или вы, порфириносыцы, твердо убеждены, что любовь, ненависть и ревность составляют исключительно вашу привилегию? А простые смертные, дескать, рабы только? – Бирон преобразился. Как большой и умный актер, он нашел для этого случая особые интонации голоса. – Я не могу встречать Морица, потому что я глубоко ненавижу его, потому что он грубо оскорбил меня. Ваша светлость! Не забывайте, что тот человек, которому хоть единый раз довелось увидеть солнечный луч, страшится и ненавидит тьму. Видеть торжество другого человека в то время, когда твое собственное сердце обливается кровью из-за одной и той же причины, – это та пытка, до которой не дошли даже святые отцы инквизиции...

Всю эту тираду Бирон произнес тем гневно-проникновенным голосом, с тем пафосом, который сильно действует на глупых, рыхлых женщин.

– Ах, ты вот о чем... – печально улыбнулась Анна Иоанновна. – Только ты неправду говоришь: и у нас, носящих горностай, есть чувство и сердце, Эрнст. Принеси мне вина, мне что-то не по себе.

Бирон послушно вышел.

Тогда герцогиня в отчаянии заломила руки.

– Не иметь права никогда принадлежать себе! – воскликнула она. – О, этот горностай...

Бирон вернулся с вином.

– Налей! – приказала Анна Иоанновна.

Он налил кубок.

Герцогиня с жадностью выпила мелкими глотками, после чего воскликнула:

– Хорошо!.. Теперь я понимаю, почему у нас на Руси так любят прибегать к сей отраве. Мутится ум, а на душе светло так становится... Да ты, Эрнст Иванович, не волнуйся: сегодняшнее свидание будет последним с ним... с Морицем. Понял?

– Ваша светлость!.. Вы не шутите? – бросился к ногам герцогини Бирон. – Правда – это?

– Правда.

Бирон стал осыпать поцелуями руки Анны Иоанновны, а она, задумчиво склонив голову, тихо промолвила:

– Да, да, все кончено, мой верный вассал. Ступай, скажи Эльзе Ключенау, чтобы она пришла помочь мне одеться, а сам ожидай Морица.

* * *

Сильно дрожали руки красавицы Эльзы Ключенау, когда она помогала герцогине облачаться в ее парадный туалет.

– Ваша светлость, разве вы наденете корону? – удивленно спросила она.

– Да, надену. Сегодня я должна быть в парадной форме, моя милая баронесса.

– По какому случаю? – не удержалась та.

– По случаю приема графа Морица Саксонского, – возбужденно ответила Анна Иоанновна.

Большой приемный зал замка был ярко освещен. Засветились свечи в причудливых, огромных люстрах, отражаясь сотнями огней в высоких стенных зеркалах. В глубине зала возвышался герцогский трон.

Анна Иоанновна в сопровождении обер-гофмейстерины вышла, сверкая бриллиантами, в зал и поднялась по ступеням трона.

– Давно я не сидела здесь. Не правда ли, баронесса, не правда ли, Эрнст Иванович? – обратилась она к своим приближенным.

– Да, ваша светлость, – пробормотали те оба.

Искреннее, глубокое изумление светилось на их лицах.

– Ты распорядился, чтобы его привели сюда? – спросила Бирона Анна Иоанновна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.